

Бамбуковая роща

Сань Вань официально стал учеником Сюй Мо на следующее утро.

Церемония была очень простой. Он принес миску сваренных им самим вонтонов — с постной начинкой, зеленью и грибами, — опустился на колени на синие каменные плиты у входа в лавку вонтонов и поднял миску над головой обеими руками. Утренний рынок в поселке Цинши еще не открылся, и на улице промелькнуло лишь несколько торгующих овощами старух, которые с любопытством заглядывали сюда.

— Учитель, прошу отведать чай.

— В твоих руках вонтоны.

— Чай слишком горек, он не так надежен, как вонтоны.

Лю Руянь прислонилась к дверному косяку и смеялась так, что не могла разогнуться. Шэнь Цзинчжэ стоял рядом с ней, держа в руке чашку горячего чая — настоящего чая — и с бесстрастным выражением лица сделал глоток, после чего произнес:

— Есть в этом смысл.

Я взял миску с вонтонами и сделал глоток бульона. Бульон для постных вонтонов был сварен на грибах и комбу: легкий, но не водянистый, а после того, как он опускался в горло, во рту оставалось едва уловимое сладковатое послевкусие.

— Вставай.

— Учитель согласился?

— Раз уж вонтоны выпиты, то если бы я не согласился, все было бы выпито зря.

Сань Вань сложил руки перед грудью, отвесил мне глубокий поклон, затем поднялся с земли и отряхнул пыль со своей серой монашеской рясы. Он повернулся к Лю Руянь и, сложив ладони, поприветствовал ее:

— Старшая сестра.

Смех Лю Руянь оборвался на полуслове.

— Кто это тебе старшая сестра?!

— По правилам нашей школы, старшая сестра учителя — это наставница для учеников. Но госпожа выглядит молодой, а обращение наставница прибавило бы ей лет, так что бедному монаху кажется, что назвать ее старшей сестрой куда уместнее.

Уголки рта Лю Руянь дрогнули. Она долго смотрела на Сань Вань взглядом, в котором читалось: «Этот человек действительно глуп или притворяется?», и наконец выдавила сквозь зубы:

— ...Как знаешь.

Сань Вань снова повернулся к Шэнь Цзинчжэ. Не успел он открыть рот, как Шэнь Цзинчжэ заговорил первым:

— Зови меня Шэнь Цзинчжэ.

Помолчав, он добавил:

— Можно и Демон Меча.

— Хорошо, благодетель Шэнь.

— ...

— Разве не благодетель Демон Меча? — тихо пробормотала в стороне Лю Руянь.

Шэнь Цзинчжэ проигнорировал ее.

Церемония ученичества завершилась, и Сань Вань официально стал моим первым учеником, принятым в лавке вонтонов. Первым и, пожалуй, единственным — в конце концов, нормальный человек не станет проситься в ученики к Святому с раздвоением личности, которого изгнали из собственной школы. После завтрака Сань Вань завел разговор о той самой кисти. Он сказал, что перед уходом в нирвану наставник оставил четкие указания: кисть в бамбуковой роще кому-нибудь обязательно нужно вытащить. Я спросил, где находится Монастырь Ланькэ, и он ответил, что в Северном Регионе, от Равнины Белых Костей его отделяет всего одна гора.

— Снова Северный Регион, — Лю Руянь опустила палочки для еды. — Мы ведь только оттуда вернулись.

— Мы отправлялись на Равнину Белых Костей, чтобы спасти дядюшку Ци, — сказал я, — а в Монастырь Ланькэ идем ради...

— Другого дядюшки Ци, — подхватила Лю Руянь. — Сколько вообще у вашего рода Сюй дядьев?

Я и сам хотел бы это знать. Перед отправлением в путь нужно было подготовиться. Шэнь Цзинчжэ проверил руны на ножнах: с тех пор как вся ржавчина полностью облетела, исходящая от клинка Ци меча стала слишком мощной, и ее приходилось сдерживать руническими ножнами, чтобы случайно не ранить прохожих. Лю Руянь передала бухгалтерские книги Чжоу Дафу во временное управление, а тот бил себя в грудь, клятвенно обещая, что «ни за что не посмеет присвоить чужое». Сань Вань же собираться было вовсе не нужно: всем его имуществом являлись лишь та серая монашеская ряса на теле да пара соломенных лаптей на ногах, у него даже не было узелка с пожитками.

— Страннику в отречении не положено произносить лживых речей и носить с собой багаж, — заявил он.

— А как же сменная одежда?

— Жарко — ходи с обнаженным торсом, холодно — надень еще одну вещь.

— ...И где же твоя вторая вещь?

Сань Вань опустил взгляд на свою рясу:

— Все еще в пути. Когда бедный монах отправлялся в дорогу, он отправил зимнюю одежду почтовой службой для простых людей, до поселка Цинши ей добираться еще примерно полмесяца.

В лавке на мгновение воцарилась тишина. Затем Лю Руянь молча порылась в своем пространственном мече и протянула ему старый плащ:

— На пока надевай. В Северном Регионе холодно.

Сань Вань принял плащ, опустил глаза на вышитый подол с изображением лотоса и с серьезным видом произнес:

— Уважаемая госпожа владеет мастерством вышивания превосходно.

Лицо Лю Руянь слегка покраснело:

— Я не вышивала, купила.

— Тогда у уважаемой госпожи превосходный вкус.

— ...

Шэнь Цзинчжэ выглянул из внутренней кухни:

— Монах, если ты продолжишь в том же духе, твоя старшая сестра заберет плащ обратно.

Сань Вань тут же умолк и закутался в плащ с головой. Ворон, сидевший на подоконнике и наблюдавший за всем с самого начала, издал неопределенное «кар». Мне показалось, что он смеется.

Путь на север занял на три дня больше, чем в прошлый раз. Пришлось обходить Равнину Белых Костей: хотя злость и обиды в том месте рассеялись, остаточная энергия Инь была слишком сильна, и от ее избытка серебряные иглы Лю Руянь могли заржаветь. Мы сделали огромный крюк на запад по тракту вдоль окраины Равнины Белых Костей, намотав лишних триста ли.

В дороге Сань Вань исправно выполнял обязанности ученика.

— Учитель, испить воды. — Он зачерпывал горную воду из ручья у дороги и трижды процеживал ее через подол рясы, прежде чем подать мне.

— Учитель, отведайте лепешку. — Он извлекал из-за пазухи кунжутную лепешку, купленную утром на почтовой станции, которая еще хранила тепло его тела.

— Учитель, впереди камень. — Он вытягивал палец, указывая на валун размером с кулак посреди дороги, после чего подходил и перетаскивал его на обочину.

Выполняя все это, он сохранял неизменно спокойное выражение лица, а в его янтарных глазах не было ни угодничества, ни раболепия — лишь абсолютное, само собой разумеющееся умиротворение, словно забота о других являлась его врожденным инстинктом.

Лю Руянь ехала верхом, склонив голову набок и наблюдая за тем, как Сань Вань сгибается в спине, перетаскивая камни.

— Этот твой ученик, — заметила она, — ладить с людьми умеет куда лучше тебя.

— Он монах, его ремесло — находить общий язык с людьми.

— А твое какое?

— Ремесло языка.

Лю Руянь улыбнулась. Шэнь Цзинчжэ улыбаться не стал, но его конь пошел чуть медленнее обычного, как раз сравнявшись по скорости с возвращающимся в строй после уборки камня Сань Ванем.

На пятый день к вечеру мы добрались до Монастыря Ланькэ.

Никаких горных ворот, никакой дощечки с названием, никакого курильщика благовоний, никакого главного зала Великого Просветления. Лишь три старых зала с серыми черепичными крышами и глинобитными стенами, криво и косо прилепившиеся у заброшенных террасных полей на полугоре. Каменные ступени перед залами поросли мхом, по ним явно уже давно никто не ходил. Половина ограды двора обрушилась, обнажая заросший сорняками огород и сухой колодец внутри. Если бы Сань Вань не остановился и, сложив ладони, не поклонился дверям зала, я бы, пожалуй, решил, что передо мной заброшенный крестьянский двор.

— Мы на месте, — произвел Сань Вань.

— И это все? — Лю Руянь огляделась по сторонам.

— Все.

— ...А где же пожертвования на благовония для вашего храма?

— Пожертвований нет, — Сань Вань толкнул скрипучую дверь главного зала. — Только двое: учитель да ученик. После того как учитель ушел в нирвану, остался лишь бедный монах. Убирать некому, вот двор и зарос.

Внутри зала оказалось чисто. Соломенные циновки для медитации, деревянная рыба-гонг и глиняная статуя Будды. На жертвенном столе перед статуей не было никаких даров — лишь масляная лампа, в которую недавно долили масло, и ее фитиль тихо и ровно горел. Сань Вань подошел к статуе Будды, опустился на колени и трижды поклонился в землю, после чего поднялся и сказал нам:

— Место, где в те годы жил старший брат, находится в бамбуковой роще за горой. Кисть тоже зарыта там.

— Веди.

Бамбуковая роща за горой оказалась больше, чем я предполагал. Она тянулась от середины склона до самой вершины, и весь горный склон был сплошь затянут бамбуком. Порода бамбука была самой обычной, из тех, что повсеместно растут в Северном Регионе, но по какой-то причине, когда налетал ветер, шелест листьев звучал мягче и нежнее, чем где-либо еще,

словно кто-то тихо шептался вдалеке.

У входа в бамбуковую рощу стояла каменная стела. Небольшая, высотой в полчеловека, из синего камня, с тонким налетом мха на поверхности. На ней были высечены две строчки: «Сказал — сделай, пообещал — исполни». Эти восемь иероглифов точь-в-точь совпадали с расположением бусин на четках, но почерк на стеле был аккуратнее, а линии глубже — так, будто тот, кто высекал их, наконец-то смог твердо удерживать резец в этом месте.

Ниже на каменной стеле виднелась еще одна строка поменьше, написанная другим почерком — сухим и твердым, как железо. С первого взгляда было понятно, чьих это рук дело:

— Сюй Мо высек за брата. Брат, будь здоров.

Брат, будь здоров. Старший брат Сюй Мо. Мой... дядя? Или дед? Сюй Мо явился в Монастырь Ланькэ двадцать лет назад, чтобы высечь эту стелу для своего старшего брата. А затем его старший брат — тот самый старший ученик, что был не в силах писать — ушел и больше никогда не возвращался. Сам же Сюй Мо, покинув Монастырь Ланькэ, отправился в Восточное Море, в Бездны Демонов и в Южные Границы, двенадцать лет в одиночку противостоял силам, охотившимся на род Сюй, и в конце концов на Равнине Белых Костей выбился из сил и обратился деревом хуай.

Стоя сейчас в бамбуковой роще, где жил его старший брат, я наконец осознал: Сюй Мо ни на мгновение не останавливался. Он в одиночку нес на себе судьбы всех людей клана Сюй, тащил этот груз с двадцати до сорока лет, пронеся его из Северного Региона в Южные Границы, от одного старшего брата к другому племяннику.

— Эту стелу высек старший брат, — указав на камень, произнес Сань Вань. — Учитель говорил, что он высекал ее целый год. Каждый удар резца был очень медленным, но после того, как все было закончено, его руки больше не дрожали.

— Его раны зажили?

— Нет. Учитель сказывал, что руки по-прежнему дрожали. Просто он отыскал способ сделать так, чтобы они не дрожали.

— Какой способ?

Сань Вань ничего не ответил, лишь шагнул по узкой тропинке в глубь бамбуковой рощи. Мы последовали за ним. Тропинка вилась вверх, листья бамбукового леса шелестели под ногами. Чем дальше мы заходили, тем гуще становился бамбук, тем темнее делался свет и тем выше была влажность в воздухе. Пройдя около времени, что требуется на воспечение одной палочки благовоний, мы неожиданно вышли к залитой светом поляне.

В центре поляны стоял природный горный валун — плоский, с отполированной до гладкости поверхностью, он вполне мог сойти за стол. Рядом с камнем торчал бамбуковый шест, на котором висела давно погасшая масляная лампа. Под камнем лежало несколько пожелтевших листов бумаги, прижатых за уголок тяжелым булыжником и легко раскачивающихся на ветру. На бумаге были написаны иероглифы. Почерк шелкривыми линиями, изгибы напоминали ползающих дождевых червей. На первом листе рядами красовались иероглифы человек. Черта влево, черта вправо — каждый иероглиф шатался: один заваливался влево, другой кренился вправо, а у некоторых обе черты и вовсе разъезжались, словно человека разрубили пополам. На втором листе был выписан иероглиф Сюй. Ключ речи и составляющая полдень вечно не сходились друг с другом: сколь бы аккуратным ни получался ключ речи, стоило добраться до полдня, как все рассыпалось. На третьем листе значилось всего два иероглифа — Сюй Ань. Черты все еще дрожали, но каждый мазок завершался уверенно, так, будто вся оставшаяся сила тела была вложена в последнюю откидную черту вправо; эта черта вышла некрасивой, но силовой нажим был колоссальным. Настолько сильным, что на обратной стороне бумаги проступил крошечный вдавленный след.

— Этот лист пролежал здесь двадцать лет, — произнес Сань Вань. — Учитель сказывал, что в ночь перед уходом из Монастыря Ланькэ старший брат просидел за этим каменным столом всю ночь. На рассвете он отложил кисть и сказал учителю: «Нашел». Учитель спросил его, что именно он нашел. Он ответил: «Нашел имя».

Имя. Мое имя. Он никогда меня не видел, не знал, как я выгляжу, не знал, мужчина я или женщина, не знал, стану ли я Конфуцианским Мудрецом. Но он знал, что меня зовут Сюй Ань. Имя, передававшееся из поколения в поколение в крови рода Сюй, двадцать лет назад сорвалось с дрожащего кончика кисти так и не повстречавшегося мне старшего родственника и легло на бумагу.

— И тогда он ушел?

— И тогда он ушел. — Сань Вань указал на более густые заросли за каменным столом. — Он зарыл кисть в самом сердце бамбуковой рощи. И велел учителю запечатать это место после его ухода, запретив кому бы то ни было входить туда, кроме будущего Конфуцианского Мудреца.

— Теперь можно войти?

Сань Вань сложил руки перед грудью и почтительно поклонился в сторону чащи. В этот миг из глухий зарослей внезапно повеяло ветром, заставив с шумом затрепетать всю листву на горе. В порыве ветра смешался едва уловимый аромат туши.

— Бамбуковая роща уже знает о приходе благодетеля, — промолвил Сань Вань. — Она ждет благодетеля.

Я вошел один.

В самой чаще стоял полумрак: солнечный свет, профильтрованный слоями бамбуковой листвы,

падал на землю мелкими брызгающими пятнами. Дорожки не было, расстояния между стволами становились все короче, словно вся роща сжималась к центру. Добравшись до самой сердцевины, я увидел перед собой сухой бамбуковый стебель. Вокруг зеленели живые побеги, и лишь этот один стоял высохшим, сморщенным, а его узлы покрылись трещинами. Однако он не упал. Он продолжал стоять.

В основание высохшего стебля было что-то воткнуто. Кисть. Ее древко оказалось бамбуковым, точно такого же цвета, как сухой стебель. Кончик кисти давно засох и растрепался, сохранив следы старой туши двадцатилетней давности. Я наклонился, обхватил пальцами древко и потянул наружу — оно не поддавалось. Кисть словно вросла в землю корнями, не сдвинувшись ни на йоту. Я вложил больше сил — все равно ни единого движения.

И тут мне вспомнились слова Сань Вань: руки старшего брата были искалечены другими. Кое-кто не желал, чтобы тот писал. Он всю жизнь боролся со своими дрожащими руками, целый год высекал стелу и три года упражнялся в каллиграфии. Он исписал в этой роще десятки тысяч кривых иероглифов, а после воткнул кисть сюда. Он ждал того, кто сможет вытащить ее за него.

Я пришел сюда не для того, чтобы выдернуть кисть. Я пришел забрать ее.

Я разжал пальцы, а затем снова обхватил древко. Не пытаюсь тянуть с силой, я просто слегка приподнял ее вверх.

Кисть легко выскользнула из основания сухого бамбука. Такая легкая, будто из воды подняли птичье перо.

Окружающий бамбук внезапно зашумел, все листья качнулись в унисон, словно аплодируя или вздыхая. Солнечные лучи хлынули сквозь просветы в кронах, окрасив всю рощу в золотистые тона. А тот сухой стебель в момент, когда я извлек кисть, начал зеленеть от самого корня, и эта зелень узел за узлом поползла вверх; когда она достигла верхушки, все дерево вновь зазеленелось сочным, ярким цветом, ничем не отличаясь от окружающих растений. Оно ожило.

Я опустил взгляд на кисть в своей руке. Древко было теплым и гладким — от многолетнего использования на нем образовался плотный налет. На самом конце древка вырезали крошечный иероглиф — «Ань». Не «Сюй», а именно «Ань». Кисть рода Сюй была помечена не фамилией, а моим собственным именем. Эта кисть предназначалась исключительно мне.

Шуршание бамбука постепенно стихло. Аромат туши в воздухе тоже медленно рассеялся, словно выполнив некое предзнаменование. Сжав кисть в руке, я вышел из рощи. Лю Руянь стояла на краю поляны, и, заметив кисть у меня в руке, она с влажными от слез глазами улыбнулась уголками рта:

— Главное, заполучил.

Шэнь Цзинчжэ прислонился к каменному столу и тихо бросил:

— По крайней мере, кто-то из рода Сюй оставил после себя вещь.

Сань Вань сложил ладони и тихо прочел буддийскую молитву — не заупокойную, а поздравительную.

Я подошел к каменному столу и посмотрел на три пожелтевших листа: покривившиеся иероглифы «человек», не сходящийся «Сюй» и до предела натуженный «Сюй Ань». Затем, взяв кисть, вывел строчку на чистом белом листе бумаги рядом:

— Сюй Ань, представитель восемнадцатого поколения рода Сюй, кисть принял. Живу в здравии.

Я придавил бумагу камнем, положив ее рядом с тем самым листом «Сюй Ань» двадцатилетней давности. Ветерок из бамбуковой рощи перелистнул уголок бумаги, словно кто-то наклонился, чтобы прочитать написанное, и остался доволен.

Перед уходом Сань Вань отправился на могилу учителя. Могила старого настоятеля располагалась у самой бамбуковой рощи за горой: небольшой холмик земли без надгробной плиты, у которого посадили лишь сосновое дерево. Сань Вань опустился на колени перед могилой, трижды стукнулся лбом о землю и водрузил в качестве дара принесенную из лавки вонтонов миску с постной начинкой.

— Учитель, ученик отыскал его. Как вы и говорили, говорить красиво он не умеет, но сердце у него доброе. Есть еще и старшая сестра, языком остра, но сердце тоже доброе. И еще есть Демон Меча, немногословный, но вонтоны готовит отменно. — Приговаривая это, Сань Вань вытащил из-за пазухи тот самый плащ с лотосами и накинул на плечи. — Ученик уходит с ними. Вероятно, пройдет немало времени, прежде чем я вернусь провести вас. Не сердитесь.

Ветер унес его слова в самую чащу бамбуковой рощи. Ветви сосны качнулись, словно махая на прощание: «Ступайте».

Мы провели в Монастыре Ланькэ еще одну ночь. На следующее утро на рассвете спустились с горы: обветшалые залы обители постепенно таяли в утреннем тумане, но тихий шелест бамбуковой рощи преследовал нас еще очень долго. Сойдя к подножию склона, я оглянулся — на самой макушке бамбуковой рощи один из стеблей возвышался над остальными, слегка покачиваясь на утреннем ветру.

То был не высохший бамбук. То было заново ожившее дерево. Оно выросло.

— Кисть у нас, — Лю Руянь шла рядом, загибая пальцы. — Четки тоже добыли. Письмо получили. Монаха в ученики приняли. Что еще осталось?

Она перевела взгляд на Шэнь Цзинчжэ. Тот смотрел куда-то вдаль, а Сань Вань, сложив ладони перед грудью, произнес:

— Бедному монаху кажется, что остались еще вонтоны.

<http://bllate.org/book/21206/2146460>